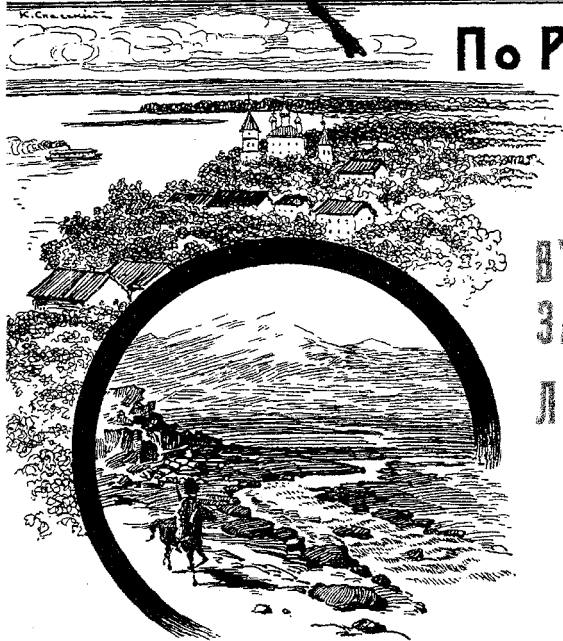

№ 98
306

ПО РУССКОЙ ЗЕМЛѢ.

ВЪ
ЗАВОЛЖСКИХЪ
ЛѢСАХЪ.

А. БАТУЕВЪ.

ИЗДАТЕЛЬ
СВЯТЫЙ И НАСАД.
ПЕЧАТНИЦА
ВЪ МОСКВѢ, ПЕТРОВСКОЕ ПОЛЕ

Цѣна 15 коп.

2004127667

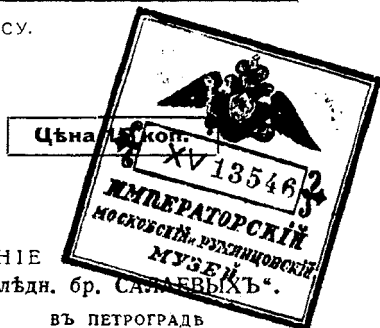
МОСКВА.
Типография Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, собств. домъ.
1915.

А. БАТУЕВЪ.

ВЪ ЗАВОЛЖСКИХЪ ЛѢСАХЪ.

ВЪ ЛѢСУ.

ИЗДАНИЕ
Т-ва „В. В. ДУМНОВЪ, наслѣдн. бр. САЛАЕВЪХЪ“.

ВЪ МОСКВѢ
Мясницкая улица, д. № 5,

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ
Большая Конюшенная, № 1.

1915.

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Путинковскій пер., соб. домъ.

1915.

Въ заволжскихъ лѣсахъ.

I. На Волгѣ.

Путешествіе по знаменитымъ заволжскимъ лѣсамъ — унженскимъ, керженскимъ и ветлужскимъ — было моей давнишней, завѣтной мечтой.

Я слыхалъ о нихъ много интересныхъ разсказовъ. Но однихъ разсказовъ было мнѣ мало, и притомъ люди, которые разсказывали мнѣ о нихъ, часто путали правду съ небылицами.

Послѣ каждаго такого разговора мнѣ только еще сильнѣе хотѣлось самому побывать за Волгой и собственными глазами хорошенько провѣрить все то, что я слышалъ отъ другихъ.

А слышалъ я, дѣйствительно, много неправдоподобнаго.

Нѣкоторые даже запугивали меня.

Мнѣ, напримѣръ, говорили, что въ этихъ лѣсахъ укрываются разбойники и бѣглые каторжники; увѣряли даже, что за Волгой въ лѣсахъ крѣпко «пошаливаетъ» нечистая сила...

Понятно, ни шалости старика-лѣшаго ни проказы бабы-яги лѣсныхъ вѣдьмъ, существующихъ, конечно, только въ народномъ воображеніи, не пугали меня. Но все же, признаюсь, я нѣсколько трусиль, отправляясь въ это дальнее лѣсное путешествіе, а чего именно, я и самъ сказать не могу.

Быль сѣрый январскій день, когда я очутился на Волгѣ около устья рѣчки Унжи. Отсюда я рѣшилъ начать свою лѣсную поѣздку въ глубь Заволжья. Рѣчка Унжа—лѣвый притокъ Волги—впадаетъ въ Волгу въ предѣлахъ Костромской губерніи, противъ города Юрьевца. Весной во время разлива Унжа бываетъ судоходна версть на триста. Весной по Унжѣ сплавляется много лѣса на Волгу, часть котораго поступаетъ на ближайшіе лѣсопильные заводы, гдѣ толстыя суковатыя бревна немедленно превращаются въ гладкія и тонкія доски.

Разыскивая дѣльнаго, опытнаго ямщика для путешествія по Заволжью, я поразился грандіозными размѣрами одного лѣсопильнаго завода, зашелъ въ контору и попросилъ разрѣшенія осмотрѣть заводъ.

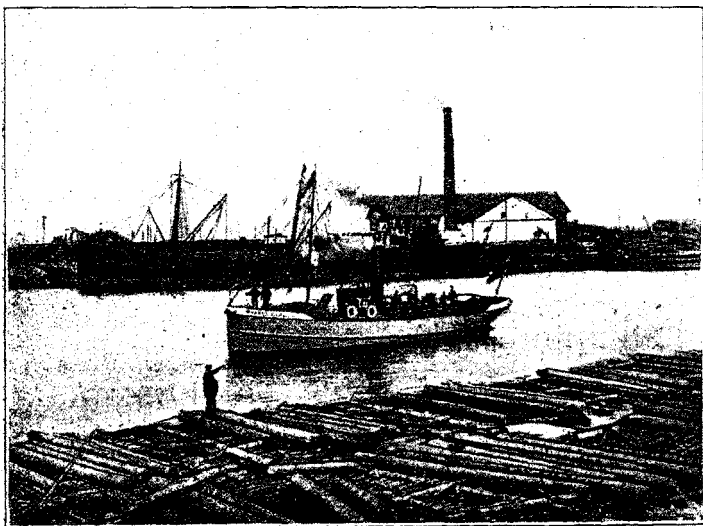
Мнѣ охотно разрѣшили и дали въ путеводители одного изъ служащихъ.

Онъ провелъ меня первымъ долгомъ къ тому мѣсту, гдѣ въ затонъ упирались массивные наклонные шлюзы. Рабочіе баграми подтаскивали къ концамъ шлюзовъ толстыя обледенѣлыя бревна. Эти бревна схватывались особыми желѣзными зажимами, словно когтями, и по шлюзамъ быстро ползли наверхъ, въ лѣсопилку.

Внутри завода стоялъ настоящій адъ. Грохотъ

падающихъ деревьевъ, визжаніе стальныхъ пилъ, шумъ паровыхъ котловъ и трескотня уже распиленного, убираемаго матеріала—все это сливалось въ одну дикую нечеловѣческую какофонію, которая съ непривычки раздирающе дѣйствовала на слухъ.

Быстрота, съ которой распиливались толстыя, полуаршиннаго діаметра бревна, была поразительна.

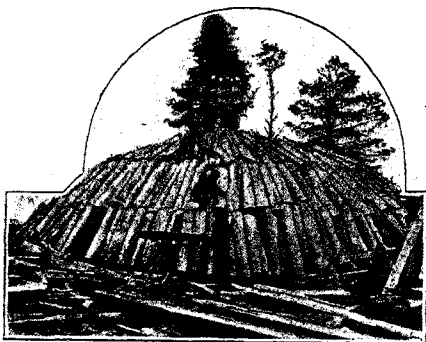

Лѣсопилка.

Пилы, укрѣпленныя вертикально въ особыхъ рамахъ, рѣзали дерево, какъ перочинный ножикъ рѣзу. Та работа, которую двое крестьянъ-пильщиковъ выполняютъ въ теченіе часа, здѣсь занимала всего одну-двѣ минуты. Дерево одновременно распиливалось на столько досокъ, болѣе или менѣе тон-

кихъ, сколько хотѣлъ этого причудливый умъ чело-
вѣка.

Пройдя вдоль завода вслѣдъ за распиливаемыми
деревьями, мы вышли на высокій деревянный по-
мостъ, который тянулся по берегу рѣчного затона,
начинаясь отъ заводскихъ стѣнъ и кончаясь гдѣ-то
версты за полторы отъ лѣсопилки. По этому помосту
безпрерывно скользили вагонетки, удаляя распи-
ленные матеріалы на берегъ.

Добываніе древеснаго угля.

Земляная яма заложенная древесными обруб-
ками; внутри разводится огонь.

Оба берега зато-
на были загром-
ждены высокими
деревянными «ко-
страми». На одномъ
берегу высились
огромныя пирами-
ды, созданныя по-
средствомъ элевато-
ровъ и человѣче-
ской силы изъ цѣль-
ныхъ бревенъ. Это
— бревна, еще пред-
назначенныя для
распилки. По дру-

гому берегу лежали такіе же громоздкіе «Портъ-
Артуры» изъ балокъ и теса, уже побывавшихъ подъ
пилами. Эти послѣдніе костры стояли здѣсь въ
ожиданіи весенней навигаціи, когда подойдутъ въ
затонъ баржи и пароходы и заберутъ все это богат-
ство для доставки въ разные города Россіи и за
границу.

— Мы ежедневно пропускаемъ подъ пилами мил-

ліоны пудовъ древесной массы...—пояснилъ мой спутникъ. — Работа лѣсопилки идетъ настолько успѣшно, что намъ уже нехватаетъ земли для складовъ, и мы принуждены сжигать очень много древесныхъ остатковъ просто для того, чтобы освободить мѣсто, необходимое для болѣе цѣнныхъ матеріаловъ. Вотъ не угодно ли посмотрѣть...

Мой спутникъ провелъ меня на окраину заводскихъ владѣній, гдѣ виднѣлся огонь и дымъ большого, разгоравшагося пожараща. Десятки рабочихъ суетились около огня и подкидывали туда забраккованные обрѣзки.

— Но это весьма печально!..—возразилъ я.—Гдѣ-нибудь въ Баку или на Дону дрова продаются по очень высокой цѣнѣ и даже на вѣсъ, на фунты, а вы здѣсь уничтожаете тысячами пудовъ самое цѣнное топливо...

— Тысячами?—улыбнулся мой спутникъ.—Нѣтъ, не тысячами, а десятками, сотнями тысячъ, милліонами пудовъ ежегодно! Вѣдь, эта бесплатная иллюминація у насъ продолжается почти круглый годъ, днемъ и ночью...

Я безпомощно пожалъ плечами.

— У насъ никто не беретъ,—продолжалъ мой путеводитель.—Рады бы отдавать, да не успѣваютъ во время забирать! Богато лѣсами наше Заволжье!

— Дѣйствительно, богато!—подтвердилъ я, посматривая съ нѣкоторой грустью на разгоравшійся заводскій «пожаръ». Русскій промышленникъ расточителенъ. Конечно, ни на одномъ лѣсопильномъ заграничномъ заводѣ не встрѣтишь такой бесплатной иллюминаціи. Тамъ берегутъ и пускаютъ въ дѣло

каждый вершокъ лѣсного сырья. За границей уже приступаютъ люди къ искусственному насажденію и разведенію лѣсовъ. А у насъ на Волгѣ не знаютъ, что дѣлать съ природными, «Божьей волей» воспитанными, лѣсами...

2. Мой ямщикъ.

Я выбралъ себѣ въ ямщики дѣльнаго, опытнаго мужичка, который не разъ бывалъ и на Унжѣ, и на Керженцѣ, и на Ветлугѣ. Фамилія моего ямщика—Бодуновъ. Онъ долго подсмѣивался надъ моими разспросами относительно дорожныхъ опасностей и въ концѣ-концовъ увѣрилъ меня, что все путешествіе можно будетъ выполнить вполнѣ безопасно и благополучно.

Я рѣшилъ заночевать въ избѣ Бодунова, чтобы рано утромъ двинуться въ путь-дорогу.

— Эъ-ка, парень... Чтой-то-съ, парень...—подтрунивалъ надо мной Бодуновъ, разстилая постель по полу.—Да я—хоть куда... хоть въ Обмерику готовъ—живымъ манеромъ!..

— Ну, и въ Америку!—улыбнулся я.

— Хоть въ Ерманію!

— А волки? А медвѣди?

— А ты не всякому слуху вѣрь!—возражалъ Бодуновъ сурово.—Вотъ съѣзди да посмотри. Нешто жъ повезъ бы я тебя на вѣрную смерть... Тутъ главное дѣло—конь... А мой Сивко, надо тебѣ сказать, не конь, а настоящій ероплантъ въ эфтихъ случаяхъ, ежели волки...

— Значить, не нужно бояться?

— Чего бояться!

Однако, передъ тѣмъ, какъ загасить лампу, Бодуновъ подошелъ близко къ печкѣ, гдѣ на полу въ овчинныхъ лохмотьяхъ спала маленькая дѣвочка, дочь его.

— Прощай, Польшка!..—разбудилъ онъ ее.—Прощай, юла! Этакая, право, юла!..

Дѣвочка сонно поежилась, выпрямилась подъ полушубкомъ. Отецъ подхватилъ ее подъ пазушки своими грубыми мужицкими руками, такую маленькую и хрупкую, уронилъ и вновь поднялъ. Гладилъ ей волосы. Дѣвочка громко расхохоталась.

— Ишь, смѣхъ-то у тебя, Польшка, точно у соловьенка... Ишь, разыгралась! Тебѣ бы, Польшка, по смѣху твоему, принцессой надо быть... Въ шелкахъ бы ходить. Вотъ такъ: шуршъ!.. шуршъ!..

И уже по этому нѣжному и длительному прощанью съ дѣвочкой ясно чувствовалось, что мой ямщикъ не такъ-то спокойно относится къ предстоящей дорогѣ въ Заволжье. Дорога по лѣсамъ трудная. Всѣхъ неожиданностей дороги никакъ заранѣе не узнаешь. Поэтому—будь готовъ ко всему...

Мы поднялись съ постели рано, еще до разсвѣта. Хозяйка, жена Бодунова, вышла провожать насъ съ фонаремъ въ рукѣ.

— Все ли взяли?—спросила она, остановившись подъ повѣтью.

— Все!

— Съ Богомъ!

— Будь здорова!

— Будьте здоровы!

Лошадь тронула. Немного спустя, пропало все:

и дворъ, и повѣтъ, и хозяйка съ огнемъ въ рукѣ. Сани заныряли изъ рытвины въ рытвину. Укачивало, какъ въ лодкѣ на волнахъ. Сильно клонило ко сну. Я, видимо, сталъ засыпать...

— Добро пожаловать!—разбудилъ меня радостный окрикъ Бодунова.

— Кому это ты?—спросилъ я.—Съ кѣмъ кланяешься?

— Какъ съ кѣмъ?—ворчливо отозвался мой возница.—Иль не видишь? Унжа! Рѣка Унжа! Волгой бы ей быть за ея храбрость. Въ дремучихъ лѣсахъ родилась, а все-таки выбилась на свѣтъ Божій, разбойничья дочь! Къ Волгѣ подбѣжала, говорить: возьми меня съ собой, матушка, въ Каспійское море!

Мы поѣхали по льду—вверхъ по Унжѣ. Начинало свѣтать. Близилось утро. Позади насъ, въ сторонѣ отъ дороги, уже начинали замирать огоньки лѣсопильныхъ заводовъ, и чуть-чуть поблескивали, тоже пропадая въ зимнемъ инистомъ полумракѣ, кресты отдаленнаго монастыря, расположеннаго близъ Волги.

— Прощай, Волга!—кивнулъ головой Бодуновъ.

Мы повернули отъ Унжи влѣво. Дорога пошла полями. Но впереди полей уже виднѣлись вдали темноватые перелѣски. Они были пока еще жидкіе, рѣденькіе. Это—заволжское предлѣсье. Тамъ и сямъ выставлялись изъ-подъ снѣга кучки низенькаго взерошеннаго кустарника.

Въ старину здѣсь были глухіе унженскіе лѣса. Здѣсь водились медвѣди, лоси, олени. Теперь же великая Волга жизнью своею забѣгаетъ все глубже и глубже въ лѣса. И темные, дремучіе лѣса отходятъ все дальше и дальше отъ Волги.

Я начиналъ позябать. Морозъ пробирался подъ тулупъ и подъ пальто, и хотѣлось поскорѣе согрѣться. Мы уже отѣхали версть двадцать. Время приближалось къ полудню.

Вотъ показалась близъ дороги небольшая занесенная снѣгомъ деревенька. Бодуновъ привернулъ къ одному изъ домиковъ и сталъ стучаться:

— Эй! Хозяйно! Хозяйнушко! Эй!

— Кто тамъ?—кликнули насъ, и къ мерзлomu окну приникла чья-то женская голова.

— Не пустишь ли обогрѣться? чайку попить?

Намъ отворили ворота и впустили во дворъ.

Женщина, хозяйка дома, провела насъ въ избу, поближе къ печкѣ.

3. Старый бурлакъ.

Пока хозяйка готовила самоваръ, я сталъ присматриваться къ внутренности избышки. Подъ потолкомъ почти половину избы занимали палаты.

Вдругъ на палатяхъ въ потемкахъ послышался рѣзкій, отрывистый кашель. Выставилась голова стараго-престараго, сѣдого старика. Онъ, видимо, захотѣлъ спуститься съ палатей, но руки его сильно дрожали. Онъ съ большимъ трудомъ перебрался на печку, разыскалъ свои валенки, надѣлъ и вновь закашлялся бурно и долго.

Кашляя, онъ хватался за грудь, опускался на колѣни, и, казалось, на всей печкѣ не было для него ни одного здороваго, спокойнаго мѣста.

— Что съ тобой, дѣдушка?—испугался я.

— Ась? Не вижу... Слѣпой я... Кто тутъ?

Я рассказалъ, кто мы, и повторилъ свой вопросъ.
— Одышка! Житья нѣтъ...—взмолился онъ.

Обводя предметы, какъ это дѣлаютъ всѣ слѣпые, дѣдъ спустился и перебрелъ по избѣ въ передній уголь къ иконамъ.

— Дѣдко!—спросилъ я,—сколько тебѣ годовъ?

— Мнѣ-то? Девять красныхъ, родимый.

— Сколько?—не понялъ я.

И. Рѣпинъ. Бурлаки на Волгѣ.

— Девять красныхъ билетовъ. Значить, каждый билетъ по десятишницѣ.

Я улыбнулся. Старикъ считалъ свои годы, какъ рубли, какъ деньги, десятками.

— Капляю... Спокою не даю... Извини меня..

Я поспѣшилъ успокоить старика.

— Отъ надсадушки... — продолжалъ дѣдъ. —

Одышка... Лямку тянулъ я. Бывало, бурлачилъ на Волгѣ. Барки таскалъ на себѣ... Вотъ и усталъ! Грудонька вотъ и стонетъ...

— Давно это было? Расскажи, дѣдушка!

Дѣдъ тяжело вздохнулъ.

— Тянешь, бывало, — надсадушка страшная. Потъ съ головы ручьемъ хлещетъ. Съ каждой лямкой, бывало, идетъ человекъ девяносто. Лѣземъ по песку, а канатъ зыбнетъ-зыбнетъ, да такъ и треснетъ, бывало. А изъ новыхъ канатовъ даже смола вытапливалась. Работали по три смѣны, поочередно. На иныхъ же мѣстахъ всѣ три смѣны тянули вмѣстѣ: значить, человекъ триста. Были такія тяжелыя мѣста подъ Симбирскомъ, прозывались они «рынками». Судну часами не было никакого сдвига. Канаты разрывались. Убивало людей. При мнѣ въ Жигуляхъ такимъ-то путемъ лопнувшей снастью уложило на мѣстѣ девятерыхъ молодцовъ. Товарищи мои... Жаль...

Дѣдъ наклонился и смахнулъ слезу съ рѣсницы.

— А гдѣ канатъ лопался... баржа легла тѣмъ мѣстомъ версты три безъ оглядки... какъ стружка... Не могли сдержать ее никакіе якорья. И тотъ народъ, что на палубѣ оставался и у руля стоялъ, готовился въ эти минуты къ вѣрной смерти: молились, размахивали руками, кричали... А звонъ отъ якорей по подводнымъ камнямъ даже былъ на берегу слышенъ...

Дѣдъ снова закашлялся. И видно было, что дни жизни его уже весьма коротки. «Такъ вотъ гдѣ, — подумалъ я, — умираютъ послѣдніе герои когда-то славной бурлацкой жизни, которая нѣкогда ломила своей силой даже великую Волгу!»

— Въ тѣ времена,—продолжалъ дѣдъ,—вдругъ пароходы пошли по Волгѣ. Этому дѣлу будетъ лѣтъ восемьдесятъ. Мы шли тогда подъ Казанью. Слышимъ, антихриста ждутъ. Птица, говорятъ, огненная плыветъ по рѣкѣ; представленіе свѣта... А когда этотъ первый пароходъ подъ названіемъ «Волга» встрѣтился съ нами—происходило въ субботу—по деревнямъ и селамъ люди парились въ баняхъ, и весь народъ выскакалъ на улицу, многіе прямо нагимъ. Такая невидаль была этотъ первый пароходъ на Волгѣ...

Уже вскипѣлъ самоваръ. Уже мы сѣли за столъ и напились чаю. А дѣдъ все мучился своимъ кашлемъ.

— Были... времена...—бросалъ онъ по слову.—Бурлацкія, трудныя времена... Ушли!.. Молодость ушла... А боль... грудонька да надсадушка... это... осталось... Это... подарокъ отъ Волги...

Такъ доживалъ свои дни старый волжскій бурлакъ съ чертами лица, похожими на одного изъ тѣхъ силачей, которыхъ художникъ Рѣпинъ увѣковѣчилъ на своей знаменитой картинѣ «Бурлаки на Волгѣ».

4. Разбойничьи гнѣзда.

Вотъ мы разстались съ гостепріимной хозяйкой и ѣдемъ дальше. Какой-то мостикъ. По обѣ стороны мостика два высокихъ пригорка. Видимо, лѣтомъ здѣсь протекаетъ какая-то безымянная рѣчка. Теперь она глубоко подъ снѣгомъ и крѣпко окована льдомъ. И если бъ не лунка для водооя, никакъ не узналъ бы, что въ этомъ мѣстѣ есть рѣчка.

— Здѣсь Мишка Котъ проживалъ... разбойникъ,—

замѣтилъ Бодуновъ, показывая кнутовищемъ на одинъ изъ пригорковъ.

Чѣмъ дальше мы отѣзжали отъ Волги, тѣмъ больше находилъ Бодуновъ такихъ старинныхъ разбойничьихъ гнѣздъ: то покажетъ оврагъ, въ которомъ жилъ атаманъ Желѣзные Когти; то покажетъ кнутомъ на край горизонта на какой-нибудь недоступный съ дороги густой кустарникъ, въ которомъ скрывались когда-то есауль Гарька Башлыкъ, каторжникъ Золотой Перстень и цѣлыя шайки другихъ, безымянныхъ разбойниковъ.

И когда вспомнишь, что въ древности здѣсь росли густые дремучіе лѣса, то мѣстопробываніе этихъ разбойниковъ казалось вполне возможнымъ.

Бодуновъ рассказывалъ народныя легенды, сказки. Но въ этихъ сказкахъ такъ вѣрно отражалась прошлая народная жизнь, что мнѣ минутами стоило большого душевнаго труда, чтобы удержаться на установленной наукой границѣ и не повѣрить во всё «чудеса», какія творились здѣсь Мишкой Котомъ и другими разбойниками.

— Долго искали повсюду Мишку...—рассказывалъ мой ямщикъ.—На дороги сзывали десятскихъ изъ деревень. По постояннымъ дворамъ въ засадахъ сидѣли урядники. Въ церквахъ объявляли съ амвоновъ...

— Не нашли?

— Какое! Мишка скрывался вотъ здѣсь, въ пещерѣ. Въ тѣ поры приходитъ Мишка къ начальству и говорить: вотъ я, ловите меня, казните!

— Что же они?

— Конечно, его забрали въ тюрьму. Надѣли ко-

лодки. Висѣльный столбъ приготовили. И сталь народъ допускаться къ нему въ тюрьму, чтобы осматривать его черезъ рѣшетку. И больше всего приходило купцовъ, потому что Мишка очень ужъ сильно шумѣлъ на Волгѣ, разоряя торговые караваны. Однажды подходятъ къ нему купцы, смѣются: «вотъ-де попался, голубчикъ, теперь безъ тебя богатѣть будемъ». Вина съ собой принесли. Закусываютъ. А Мишка лежитъ на нарахъ, кандалами позвякиваетъ. «Хотите, слышь, купцы, я покажу вамъ еще одну шутку?» — засмѣялся онъ. Выходить, въ родѣ шута прикинулся — для веселья. Ладно, смѣются купцы, валяй, показывай! «Принесите мнѣ мѣлу!» — требуетъ Мишка. Принесли. Глядятъ купцы, какую онъ шутку покажетъ. А Мишка на полу вычертилъ лодку, поддѣлалъ весла, руль срисовалъ — все, какъ есть, лодка. Даже лавочки подбѣлилъ. «Ну, теперь, грить, дайте мнѣ шесть гребцовъ, шестерыхъ изъ вашей компаніи». Отперли камеру. Впустили къ нему шестерыхъ купцовъ. «А теперь, говорить, садитесь на скамьи! гребите!» А самъ пошелъ къ рулю править. Стали гребти. «Разъ! два! три!» — кричить Мишка. Глядь: ни лодки нѣтъ, ни купцовъ, которые въ веслахъ сидѣли. Да вмѣстѣ съ купцами и самъ уѣхалъ! Такой человекъ былъ разбойный, тюрьма его не брала.

— Почему же? — спросилъ я.

— Потому что «слово» зналъ...

— Какое же «слово»? Не вѣрится что-то мнѣ...

Бодуновъ обиженно смотритъ на меня и прекращаетъ свои безконечные рассказы про подвиги разбойниковъ. Ему, малограмотному человекъ, непо-

нятно мое легкомысленное отношеніе къ суевѣрнымъ обычаямъ старины. Онъ твердо вѣритъ и въ это «слово» Мишки Кота, и во всѣ заколдованныя «чудеса», выдуманная народной фантазіей заволжскаго человѣка.

Начинало темнѣть. Приближались сумерки. Бодуновъ сидѣлъ молча.

Видимо, впечатлѣнія отъ недавняго разговора о разбойникахъ все еще тревожили одинокую душу Бодунова, потому что онъ—съ наступленіемъ сумерекъ—начиналъ какъ-то трусливо и суевѣрно поглядывать въ синеву приближавшихся къ намъ заволжскихъ лѣсовъ.

5. Ночлегъ у бѣдной солдатки.

Уже морозъ опять подбирался подъ шубой вплотную къ тѣлу.

Мы рѣшили заночевать пораньше, такъ какъ при въѣздѣ въ лѣсъ деревни становятся рѣже и расположены только близъ рѣчекъ.

Въ заволжскихъ лѣсахъ мѣстами нѣтъ деревень верстъ на 30—40, а ѣхать на такое большое разстояніе въ ночную пору весьма рискованно. Пожалуй, завернешь съ проѣзжей дороги на какую-нибудь узенькую, лѣсную дорожку, по которой крестьяне вывозятъ деревья съ лѣсныхъ вырубокъ, и тогда не найдешь конца своему путешествію!

— Эй, эй! Хозяйно! Хозяйнушко!—опять постукивалъ Бодуновъ кнутовищемъ о зауголокъ.

Во всей деревнѣ это была единственная изба, гдѣ еще, видимо, не ложились спать, потому что въ окнѣ мерцалъ огонекъ.

— Мы, мы!—покрикивалъ Бодуновъ.—Не пустишь ли ночевать? Ночев-ва-ать...—подвывалъ онъ, припрыгивая отъ холода и притопывая, какъ голодный волкъ.

Насъ съ лошадыю впустили во дворъ. Избушка оказалась не изъ богатыхъ. Намъ отпирала «выходы» утомленная и, видимо, чѣмъ-то измученная бѣдная женщина въ дырявомъ овчинномъ шубникѣ. Пока Бодуновъ выпрягалъ своего вспотѣвшаго Сивка, она свѣтила ему зажженной лучиной, такъ какъ фонаря, видимо, у нихъ не было въ домѣ.

— Овцы-то есть ли?—спросилъ ямщикъ, оглядывая невзрачныя, поломанныя прясла и хлѣвъ.

— Были, родимый, да продали осенью...—жалобно отозвалась хозяйка.—Лошадь пала у насъ осенью, рыженькая была, а стали новую покупать, овецъ-то и продали. Не на что было покупать: дѣло-то у насъ бѣдное...

— А гдѣ же хозяинъ твой?—спросилъ Бодуновъ, подвязывая Сивка къ сѣну.

— Преставился мой хозяинъ... Преставился... На войнѣ... подѣ крѣпостью Ивангородомъ...

Баба печально вздохнула. Бодуновъ снялъ шапку и набожно перекрестился.

— Царство ему небесное! геройскій вѣнецъ! Значить, вдова?

— Вдова, родимый, вдова!—продолжала она.—Бѣдность! Шесть ртовъ, а земля-то у насъ неурожайная, плохо родить. Хлѣбушка еле-еле хватаетъ до Рождества. Покойникъ-мужъ, будучи живъ, по зимамъ на промыслы уходилъ, на лѣсопилкѣ работалъ. Вотъ и оказывалъ поддержку намъ. А теперь безъ него плохо намъ. Охъ, какъ плохо!

— Эх-кое дѣло!—вдохнулъ Бодуновъ.

Мы вошли въ избу. Здѣсь сильно пахло копотью и какой-то кислятиной. На всѣхъ предметахъ въ избѣ лежалъ отпечатокъ бѣдности и какого-то внезапнаго горя. Самоваръ былъ раскрытъ, и крышка валялась подъ лавкой; на крышкѣ валялся дѣтскій сапогъ. Ухватники стояли у дверей вмѣстѣ съ кнутами; въ бѣльевомъ корытѣ валялся старый ободраный календарь.

Но самое главное, что бросилось намъ въ глаза при входѣ въ хату,—на столѣ подъ божницей стоялъ маленькій гробикъ, и передъ нимъ горѣла тоненькая копеечная свѣчка.

— Эт...то что у тебя?—удивился мой спутникъ.

Хозяйка попыталась было что-то объяснить, но не могла сдержаться, наклонила голову и громко заплакала.

— Ребеночекъ былъ... по второму годку... Мальчикъ... такой хорошій, веселенькій. Вынесешь, бывало, на улицу, взвидить лошадь и кричить: мама, песо! песо!

— Ангельская душенька! Да ты не рыдай. Грѣшно.

— Ахъ, какъ же мнѣ не рыдать-то!.. Жаль!

— Не надо рыдать! Другихъ дѣтей не осталось у тебя?

— А вотъ посчитай, посчитай!—обернулась она къ палатамъ.—Четверо! Вотъ это, глядите, мальчикъ спить... черномѣлочный...

— Какой?—переспросилъ я.

— Порченый, черномѣлочный. Не сберегли его. Однажды лошадь у насъ угнали воры. Прибѣжалъ отецъ въ избу, да какъ крикнетъ въ перепугѣ: Митька,

слышь, лошадь, лошадь угнали! А Митрій, видно, спалъ да крѣпконько. Вскочилъ, глядитъ на отца, постоялъ, да такъ на постель-то и брякнулся...

— Эх-кое дѣло!—ужаснулся Бодуновъ.

— Вдовье дѣло! сиротское! Какъ тутъ жить?

Мнѣ долго не спалось въ эту ночь. Уже хозяйка погасила лампу и легла спать. У гробика скоро догорѣла и погасла свѣчка. Въ бѣдной избушкѣ воцарилась глубокая деревенская тьма и тишина. Только на палатяхъ слышался изрѣдка торопливый дѣтскій бредъ. Это малютки-дѣти отдыхали во снѣ, въ мечтахъ, среди сновидѣній, отъ бѣдной, нищенской дѣйствительности.

6. На лѣсной вырубкѣ.

Не доѣзжая версть трехъ до главнаго высокаго лѣса, мы очутились на лѣсной вырубкѣ.

Это была большая котловина, вся въ снѣгу, на которой, видимо, еще недавно росли сосны. Теперь же изъ-подъ снѣга мѣстами торчали только одинокіе толстые пни.

Бодуновъ долго приглядывался, словно не узнавая мѣста. Онъ былъ здѣсь когда-то давно, когда еще соснякъ стоялъ на корняхъ.

— Экую уйму спустили!—неодобрительно ворчалъ Бодуновъ.—Сколько здѣсь лѣсу росло, и весь спустили!.. И кому это столько понадобилось?! Надо спросить...

— Да кого же ты спросишь?—улыбнулся я.— Живой души нѣтъ вокругъ...

— Ахъ, ребята!—обидѣлся Бодуновъ, очевидно, задѣтый за живое.— Я думаю, что въ лѣсу-то,

вѣдь, не въ Москвѣ: завсегда узнать можно. Эй!
Эй!

Онъ громко закричалъ во всю силу своихъ легкихъ:
— Эй! Люди... лю-ди... и...

Сначала отозвалось только эхо:

— Ю-и...

Потомъ близъ отвертки съ нашей дороги, изъ-за полѣнницы дровъ послышался скрипъ снѣга, и на

Рубка лѣса.

дорогѣ, дѣйствительно, показался мужикъ. Я вначалѣ и не замѣтилъ, что онъ тутъ возился въ сугробѣ, укладывая дрова.

Мужикъ былъ степенный, высокаго роста. Онъ сумрачно посмотрѣлъ въ нашу сторону и подошелъ какъ-то бокомъ, съ большой опаской, не выпуская топорница изъ рукъ.

— Ты здѣшній, отче?—спросилъ Бодуновъ.

— Добраго здоровья!—поклонился «отче» вмѣсто отвѣта.

Бодуновъ нѣсколько растерялся. Мужикъ, подозрительно оглядывая наши лица, отвѣтилъ:

— Здѣшній. А что?

Но Бодуновъ, оправившись отъ своей растерянности, видимо, тоже не захотѣлъ оставаться въ долгу по отношенію къ лѣсной вѣжливости.

— Добраго здоровья!—произнесъ онъ и дотронулся до шапки.—Богъ на помочъ!

— Спаси Христось, — промолвилъ мужикъ. — Здѣшній я...

И тоже снялъ шапку. И только послѣ этой длительной церемоніи начался дѣловой разговоръ. Такова лѣсная дипломатія! Чѣмъ дальше въ заволжскіе лѣса, тѣмъ сложнѣе становится этотъ привѣтственный обычай при встрѣчѣ двухъ дорожныхъ людей. Обмѣниваясь привѣтствіями, все время зорко смотря другъ другу въ глаза, какъ бы изучая: не врагъ ли? не хочетъ ли какого-нибудь зла тебѣ?

Мужикъ сообщилъ намъ, что эта лѣсная опушка послѣ освобожденія крестьянъ была продана помѣщикомъ одному купцу. А купецъ посрединѣ лѣса у рѣчки выстроилъ химическій заводъ для выгонки изъ древесной массы дегтя, скипидара и купороснаго масла (сѣрной кислоты). Особыми машинами деревья превращались на заводѣ въ мелкій порошокъ и протирались, по выраженію мужика, какъ рѣдька сквозь терку.

Десятину вырубали за десятиной, и, наконецъ, лѣсная вырубка подошла къ этой котловинѣ, къ до-

рогѣ. Вырубивши свои лѣса, заводъ закрылся, потому что купецъ перенесъ его на другое мѣсто, къ Ветлугѣ.

7. Въ лѣсахъ.

Крестьянская смолокурня.

Смола добывается изъ сосновыхъ пней и корней, богатыхъ смолою и называемыхъ смольемъ. Заложивши яму этимъ смольемъ, крестьяне разводятъ огонь. Подъ влияніемъ тепла смоляной сокъ начинаетъ вытапливаться изъ сосновыхъ обрубокъ на дно ямы. Выкуриваніе смолы производится, главнымъ образомъ, лѣтомъ. Работающіе на этомъ промыслѣ сильно страдаютъ по ночамъ отъ комаровъ и мошекъ, которыхъ очень много въ большихъ лѣсахъ. Спасаясь отъ комаровъ, рабочіе устраиваютъ надъ огнемъ особыя «подкуры» на которыхъ и спятъ, укутанные густымъ дымомъ. Точно также добывается деготь изъ березовой коры или бересты.

вышину, это—настоящій мачтовникъ.

И вотъ мы въ лѣсу. Въ настоящемъ заволжскомъ лѣсу. Мы окружены, мы забраны въ

плѣнь высокой хвойной громадой.

Лѣсъ — темный, красивый. Уже не колышутся деревья, какъ нѣсколько верстъ назадъ, въ предлѣсѣѣ, но величественно и мрачно и недви-

жимо стоять, какъ сѣдые богатыри. Нѣтъ разношерстности въ древесной породѣ: ни березокъ, ни дубковъ, ни осинъ — чистая хвоя: сосны и ели. Попадаются деревья саженъ девяти и десяти въ

— Останови-ка...—обратился я въ одномъ мѣстѣ къ своему ямщику.—Лошадь... останови-ка...

Онъ остановилъ. Я высвободилъ уши. Вокругъ стояла полнѣйшая, царственная тишина.

Сойдя съ саней и отойдя на нѣкоторое отъ нихъ разстояніе, чтобы не мѣшало дыханіе лошади, я долго стоялъ, наслаждаясь молчаніемъ, покорный,

И. Шишкинъ. Корабельная роща.

очарованный. Такъ прошло нѣсколько мгновений какихъ-то радостныхъ, праздничныхъ, когда въ душѣ воцарялся полнѣйшій отдыхъ отъ городского и дорожнаго шума.

И чудилась какая-то старина во всѣхъ деталяхъ окружающей меня картины. Я стоялъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ деревянной стѣной, точно гдѣ-нибудь въ древнемъ кремлѣ. Я—обязанный тулу-

помъ, рыжимъ башлыкомъ и малиновой опояской, въ валенкахъ, въ мѣховой теплой шапкѣ, въ варежкахъ на рукахъ,—навѣрное, былъ бы неузнаваемъ теперь для всѣхъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ.

Но вотъ что-то встрепенулось въ природѣ. Я, напрягая слухъ, жадно прислушался, затаивши дыханіе. Какой-то тихій серебристый шорохъ нарушилъ лѣсное молчаніе и застылъ въ морозномъ воздухѣ, какъ отдаленный трепеть какого-то нѣжнаго музыкальнаго аккорда.

— Бодуновъ, что это?—спросилъ я.

— Это? улыбнулся мой ямщикъ.—Это—иней... Вѣтерокъ налетѣлъ на вершины деревьевъ. Вѣтерка-то не слышно сюда, а иней слетаетъ съ верхушекъ, по игольнику... Летитъ и шуршитъ...

Такая глушь! Немножко даже боязно. Вѣдь, закричишь—и никто не услышитъ тебя. Забываешь, что гдѣ-то за гранью лѣса есть люди, города, трамваи, локомотивы. Наоборотъ, гораздо вѣроятнѣй становятся народныя сказки про всевозможныхъ хихикалокъ, лѣшихъ и бабу-ягу...

Неудивительно, что старинный деревенскій чело-вѣкъ такъ легко поддавался ложнымъ примѣтамъ и суевѣріямъ. Среди лѣсной тишины достаточно малѣйшаго шороха, чтобы фантазія и страхъ начали свою сказочную работу...

8. Крещенскій вечеръ въ Заволжьѣ.

На тридцать верстъ—глухой лѣсъ. На эти тридцать верстъ только одна деревня.

Мы прибыли въ нее уже при огняхъ, на ночлежь.

Еще на улицѣ, когда мы ѣхали по дорогѣ вдоль деревни, мнѣ бросилась въ глаза маленькая подробность, которая указывала на то, что эта деревня дѣйствительно лѣсная, и въ топливѣ не нуждается: всѣ окна въ избушкахъ были только объ одной рамѣ; зимнихъ «оконницъ», какъ это водится вездѣ на святой Руси, сія деревня не признавала.

— Потому дрова подъ рукой, жги сколько хочешь...—пояснилъ Бодуновъ.

Едва мы попали на средину деревни къ колодцу, какъ насъ обступила толпа ребятишекъ, среди которыхъ конфузливо прятались взрослые дѣвки и парни. Я сначала весьма удивился, встрѣтивъ на деревенской улицѣ въ ночную пору столько неспящаго народа. Но вскорѣ насъ окружили, обступили, и мое удивленіе быстро разсѣялось.

— Сказывай, какъ зовутъ?—теребили меня со всѣхъ сторонъ.

— Сказывай, какъ твое имя?

Все объяснялось очень просто. Мы попали къ нимъ какъ разъ въ Крещенскій сочельникъ.

— Ахъ ты, ярь тебя задави!—расхохотался Бодуновъ.—Да никакъ тутъ гаданье?

— Сказывай, какъ твое имя?

— Федуль!—хохоталъ мой спутникъ.—Ермила! Касьянъ!

Онъ нарочно подбиралъ самыя рѣдкія, необычныя имена и этимъ очень смѣшилъ всю компанію.

Мы повернули къ воротамъ и вскорѣ были въ избѣ. Здѣсь было такъ жарко, что буквально жгло

уши. У нихъ зимою безъ перерыва, круглыя сутки, топится желѣзная печка.

Толпа ввалилась слѣдомъ же за нами. Сначала всѣ молчали, разсматривая насъ со всѣхъ сторонъ. Но потомъ наиболѣе смѣлые парни и дѣвки стали потихоньку шушукаться:

— Анна, это къ тебѣ...

— А этотъ къ тебѣ, Авдотья...

— Нѣтъ, это, дѣвчонки, ко мнѣ...

Послышался въ толпѣ робкій шопотъ:

— Дальній...

— Ко мнѣ!—капризно перебилъ чей-то женскій голосъ.—Вѣдь, мнѣ все время и выходило—дальній...

Это онѣ еще до насъ гадали о женихахъ и кому-то вышелъ женихъ дальній, пріѣзжій.

Я поинтересовался, какъ же гадаютъ они. Выяснилось, гаданій у нихъ очень много: на картахъ, на угляхъ, въ зеркало... А то еще выходятъ за деревню, на перекрестки дорогъ, и здѣсь, стоя на снѣгу, обчерчиваются и при этомъ говорятъ: «чортово мѣсто... чортово мѣсто»...

И будто бы, что увидишь или услышишь въ этотъ моментъ, то и сбудется потомъ въ жизни. Одной дѣвкѣ Натальѣ во время такого гаданья послышались, будто бы, рѣдкіе, похоронные звоны, и дѣвка, будто бы, въ тотъ же годъ умерла.

9. Въ лѣсныхъ дѣбряхъ.

Всѣ въ избушкѣ заснули. Уже стояла глубокая ночь. Не спалось только намъ двоимъ: мнѣ и дѣду, сѣдому старику, главѣ здѣшняго дома.

Онъ сидѣлъ около печки, дежуря и подбрасывая дрова въ огонь.

Когда огонь разгорался, дѣдъ, улавливая хорошій свѣтъ, хватался за свою безконечную работу—плелъ лапти. Но какъ только огонь уменьшался, дѣдъ откладывалъ лапотъ въ сторону и начиналъ что-нибудь рассказывать. Керосинъ дорогъ въ Заволжской сторонѣ, и его берегутъ въ домахъ.

Дѣдъ рассказывалъ мнѣ про прежнюю жизнь въ заволжскихъ лѣсахъ, про то, какъ основывалась эта деревня въ дремучемъ лѣсу, и какъ трудно приходилось здѣсь отцамъ и дѣдамъ его.

Въ началѣ прошлаго вѣка здѣсь были сплошные, непроходимые лѣса, которые принадлежали тогда одному помѣщику. Вотъ надумалъ этотъ помѣщикъ жениться. Онъ выбралъ себѣ невѣсту дальнюю, изъ Орловской губерніи. Въ приданое съ невѣстой получилъ помѣщикъ не денегъ и не земли, а нѣсколько сотъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ оказались отцы и дѣды моего собесѣдника. Очень не хотѣлось ѣхать предкамъ дѣда съ насиженныхъ мѣстъ въ невѣдомую лѣсную даль, но не слушаться помѣщиковъ было нельзя: тогда существовало крѣпостное право. Приѣхали къ молодому помѣщику орловцы, размѣстились по лѣснымъ дебрямъ, глядятъ—повсюду лѣсъ, хижины негдѣ поставить. Для того, чтобы выстроить домъ, приходилось вырубать на мѣстѣ огромныя сосны. Вырубили мѣстечко для дома, пошли дальше—начали рубить мѣста для огородовъ, полей и покосовъ.

— Трудно! Охъ, какъ трудно приходилось въ тѣ поры! Сосны огромнѣйшія! Срубить ихъ—надо пеня

«выкорчевывать» изъ земли... А вытаскают пеня— куда ихъ дѣвать? Начинаютъ жечь. Потомъ всё эти горѣлыя мѣста надо запахивать, удобрять. А начнутъ запахивать—горе! Сошники не берутъ: такая жесткая, мучительная земля! Сколько слезъ, крови

Лубяной промыселъ.

Лубъ, мочала и лыко приготавлиются изъ липы. Весной, когда древесный сокъ подымается, наружная кора на деревь сидитъ очень слабо. Если въ концѣ мая сдѣлать на корѣ надрѣзъ сверху внизъ, то въ июль корка отдѣлится отъ ствола очень легко. Собранный лубъ тутъ же опускается въ прудъ или рѣчку, гдѣ онъ очищается отъ верхней коры и клейкаго вещества. Въ октябрѣ лубъ вынимается изъ воды и сушится, а зимою перевозится домой. Кора со стволовъ даетъ отличный лубъ, а съ вѣтвей—лыко и мочалу. Изъ луба дѣлаютъ кораба, изъ лыка плетутъ лапти, а изъ мочалы ткуть рогожи, вяжутъ веревки, дѣлаютъ конскую сбрую, половья щетки и т. п.

положено въ здѣшнюю мѣстность! Повѣришь ли, отъ звѣрья покою не было. Волки и медвѣди по ночамъ подходили подъ самыя окна. Бабу одну не

моги, бывало, за водой отпустить къ ручью—медвѣдь задереть. Мужики съ топорами сопровождали. Въ Свѣтлый праздникъ, бывало, къ великой заутрени съ топорами ходили. Цѣлой артелью. Хватили бѣды наши отцы и дѣды!.. Да-съ... Вотъ она какова была старинная деревенская жизнь...

Мы почти до разсвѣта пробесѣдовали съ дѣдомъ и если бы Бодуновъ не разбудилъ меня утромъ въ условленный часъ, я, навѣрное, проспалъ бы до полдень. А между тѣмъ къ полудню намъ очень хотѣлось добраться до города Кадыя.

Мы выѣхали рано, на разсвѣтѣ. Дорога встрѣтила насъ не очень привѣтливо: все время попадались ухабы, и сани ныряли, какъ на волнахъ. Изрѣдка попадался обозъ изъ Кадыя. Мы должны были сворачивать въ сторону. Лошадь завязала по брюхо въ сугробъ. Но тѣ, кто ѣдутъ «порожнякомъ», т.-е. безъ груза, должны сворачивать съ дороги и уступать ее обозу съ товарами. Таково лѣсное дорожное правило.

Вотъ встрѣчается обозъ съ природными лѣсными товарами: рогожами и лыковыми лаптями.

Бодуновъ кричитъ:

— Эй! Эй! сколько верстъ до Кадыя?

Мужикъ, сидящій на возу, кричитъ во все горло:

— Одиннадцать!

Бодуновъ, видимо, не разслышалъ. Я пересказываю, но онъ не вѣритъ:

— Не можетъ быть. Меньше.

Подѣхалъ второй возъ. На верху—баба.

— Родная!—кричитъ Бодуновъ:—сколько верстъ до Кадыя?

Баба, должно быть, спала. Напугалась. Встре-

пенулась отъ окрика съ такимъ испугомъ, какъ будто кто-то лѣзъ къ ней на дровни. Бросила въ отвѣтъ:

— Четыре!

— Ахъ, заяцъ ты залагай!—выругался Бодуновъ:—То одиннадцать, то четыре... Ужели третьяго спрашивать?

— Спроси...—меня разбиралъ хохоть.

Третій возъ движется медленно. Мужикъ не на возу, а идетъ сзади. Грѣтся.

— Кормилецъ!—опять вопить Бодуновъ:—Тута ли на Кадый?

— Тута, желанный, тута!

— А сколько верстъ?

— А кто-е знаетъ?! Не считанныя! Самъ видишь...

— Все-таки! Сколько же?

Мужикъ усиленно размышляетъ и никакъ не можетъ опредѣлить:

— Вотъ выѣхали мы изъ Кадыя близъ полуночи... Кочетье (пѣтухи) еще не пѣвали... Ну, ѣхали мы не шибко... Теперъ, поди, часовъ семь... Верстъ четырнадцать будетъ...

— Не меньше?

— Нѣтъ, вѣрныхъ четырнадцать будетъ...

Мужикъ понукнулъ лошадь.

— Обломы! Лѣнтяи лѣсные!—ругается Бодуновъ.-- Не могутъ на дорогѣ верстовыхъ столбовъ наставить! Точно по океанъ-мору ѣдутъ, только и смотрять на солнышко, да на пѣтуховъ...

Бодунову, какъ природному волгарю, не нравится это полнѣйшее отсутствіе культуры на здѣшнихъ лѣсныхъ дорогахъ. Онъ рассказываетъ, что осенью

и весной—во время распутицы—на здѣшнихъ дорогахъ такая грязь, что временами прерывается всякое сообщеніе между поселками. Люди живутъ, какъ Робинзоны на необитаемыхъ островахъ. Когда разливаются лѣсныя рѣки и озера, нѣтъ выѣзду изъ деревень ни на колесахъ, ни на саняхъ.

Бывали даже случаи, когда кто-либо нечаянно умиралъ въ деревнѣ,—гробъ съ покойникомъ приходилось переправлять до церкви въ лодкѣ.

Такая непроходимая глушь...

10. Лѣсной городъ Кадый.

А вотъ и Кадый. Это заштатный маленькій городокъ Костромской губерніи. Онъ весь окруженъ лѣсами.

Про него есть такая пословица:

— «Буй да Кадуи чортъ три года искалъ—не разыскалъ»...

Мы все-таки его разыскали.

Я до сихъ поръ никогда не видалъ такихъ глухихъ городовъ. Вѣдь, сюда не доходятъ ни пароходы, ни поѣзда! Здѣсь нѣтъ ни пристаней, какъ на Волгѣ у маленькихъ городковъ, ни вокзала! Сюда только и можно добраться на лошадахъ.

Вотъ мелькнула въ зимнемъ сумракѣ бѣлая церковь. Эта церковь—единственная въ городѣ.

Городскія постройки въ Кадыѣ расположены совсѣмъ не такъ, какъ въ другихъ городахъ. Бани и амбары, напримѣръ, вынесены за черту «города», на окраины. Вообще, Кадый походитъ на большое

село. Жителей въ немъ числилось при мнѣ одна тысяча человекъ.

Вѣзжаемъ на главную улицу—пустота. Дома одноэтажные и, конечно, деревянные. На подоконникахъ между лѣтними и зимними рамами заложены ватка, мохъ, ягоды, клюква, рябина, зеленыя вѣточки. Это, повидимому, единственная кадыйская роскошь, замѣтная съ улицы.

Въ Кадыѣ гостиниць нѣтъ, поэтому мы остановились на постояломъ дворѣ. Здѣсь мы узнали, что лѣтомъ вокругъ Кадыя бываетъ много лѣсныхъ ягодъ: черники, земляники, брусники, клюквы и пр. Жители собираютъ и продаютъ. Здѣсь также много грибовъ, въ особенности, груздей и рыжиковъ. Многие жители занимаются хлѣбопашествомъ, а также лѣсными промыслами.

Въ глубокой древности Кадыйскій край, какъ и вся нынѣшняя Костромская губернія, принадлежалъ знаменитому удѣльному князю и сказочному «судьѣ» Шемякѣ.

Вотъ какъ судилъ народъ этотъ старинный легендарный «судья».

Жили-были на свѣтѣ два брата—богатый и бѣдный. Понадобилось однажды бѣдному брату привести дровъ изъ лѣса. Пошелъ онъ къ богатому:

— Дай мнѣ твоей лошади!..

Даль ему лошадь богатый, а хомута не даль, пожалѣлъ.

Думаль-думаль бѣдный, какъ ему ѣхать по дрова безъ хомута—рѣшилъ привязать сани къ лошадиному хвосту.

Поѣхалъ. Наложилъ дровъ. Сталъ вѣзжать во

дворъ—забылъ подворотню выставить. Сани задѣли за подворотню, и у лошади вырвало хвостъ.

Богатый говорить:

— Не нужна мнѣ такая безхвостая лошадь. Не возьму.

Пошелъ богатый въ городъ къ судьѣ Шемякѣ. Бѣдный тоже отправился вмѣстѣ съ нимъ.

По пути въ городъ съ бѣднякомъ совершается второе несчастье.

Завернули они въ трактиръ на ночлегъ. Богатаго брата трактирщикъ сажаетъ за столъ и угощаетъ ужиномъ. Пьютъ и ѣдятъ богатый съ трактирщикомъ..

А бѣдный на палатахъ лежитъ да все глядитъ, какъ сладко они пьютъ-ѣдятъ.

Глядѣль-глядѣль бѣдный—заглядѣлся да и свалился съ палатей, и прямо упалъ на жену трактирщика и выкололъ ей глазъ.

Трактирщикъ говорить:

— Куда теперь мнѣ такую жену одноглазую! Пойду къ судьѣ съ жалобой!

Еще больше напугался бѣдный братъ. Однако, дѣлать нечего, идутъ все трое.

Вотъ подошли они къ городу. Видитъ бѣднякъ—мостъ черезъ рѣку. Подошелъ онъ къ периламъ и бросился съ моста.

— Все равно,—думаетъ:—одинъ конецъ будетъ, умру—и ладно!

Упалъ, а подъ мостомъ по льду въ это время какой-то парень везъ своего отца, больного старика, въ баню париться.

Грохнулся бѣднякъ—прямо въ салазки на старика,—и убилъ его.

Пришли къ судья четверо.

Завернулъ бѣдный братъ камень въ шапку и сталъ передъ судьей.

Началъ судья разбирать первую жалобу—богатаго брата. А бѣдный показываетъ судья шапку съ камнемъ. Думалъ судья, что въ шапкѣ «посуль», т.-е., денежная взятка, и рѣшилъ первое дѣло такъ: лошадь должна оставаться у бѣдняка до тѣхъ поръ, пока у ней не вырастетъ хвостъ.

Трактирщику судья сказалъ такъ:

— Отдай свою одноглазую жену бѣдному, а у него возьми его жену, двуглазую.

Третьему жалобщику судья сказалъ:

— Разрѣшаю тебѣ отомстить бѣдняку точно тѣмъ же способомъ, какимъ онъ убилъ твоего отца...

Понятно, жалобщики послѣ такого «справедливаго» приговора кинулись бѣдняку въ ноги и просятъ не требовать съ нихъ по приговору судьи. Богатый даетъ 200 рублей за то, чтобы бѣдный отступился отъ безхвостой лошади; трактирщикъ за свою одноглазую жену даетъ 50 рублей денегъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да быка съ коровою, да хлѣба всякаго 40 четвертей; третій жалобщикъ обѣщаетъ 30 рублей да лошадь съ коровою...

Но этимъ дѣло не кончилось. Вспомнилъ судья Шемяка, что бѣдный показывалъ ему «посуль» въ шапкѣ, и высылаетъ писца—принять отъ бѣдняка взятку.

А бѣдный удивился несправедливости Шемяки и объяснилъ, что показывалъ судья вовсе не деньги, а камень, которымъ онъ хотѣлъ ушибить судью, если бы судья рѣшилъ дѣло не въ его пользу.

Обрадовался судья, узнавши это, и воскликнулъ: — Благодарю Бога, что я судилъ, какъ хотѣлось бѣдному! Если бы я не въ его пользу разобралъ дѣло, онъ бы меня ушибъ камнемъ!..

Такова народная старинная легенда о несправедливомъ судьѣ Шемякѣ.

Вотъ какъ хорошо судилъ древній владѣлецъ этихъ медвѣжьихъ краевъ, о которомъ не осталось здѣсь никакой памяти, кромѣ этой легенды.

II. Странникъ-попутчикъ.

Отъ города Кадья мы поѣхали не вдвоемъ, а трое—къ намъ выпросился попутчикъ до города Макарьева: странникъ Онуфрій. Онъ былъ одѣтъ по-монашески, въ подрясникъ; въ рукахъ у него была толстая можжевеловая клюка, за плечами—котомка, а на боку—сума, большая, клеенчатая.

Онъ вдоль и поперекъ исходилъ всѣ заволжскіе лѣса за свою долгую жизнь, и потому хорошо зналъ лѣсную крестьянскую жизнь.

— Здѣшній крестьянинъ по рукамъ и по ногамъ связанъ лѣсомъ,—разсказывалъ Онуфрій:—Лѣсъ для здѣшняго крестьянина—тоже, что для моряка море. Попробуй-ка въ ветлужскомъ лѣсу возрастить палестинскую пальму или цвѣтокъ... Получишь только одно огорченіе! Нѣтъ, надобно крѣпко узнать почву здѣшнихъ полей, чтобы кормиться отъ нихъ. Здѣсь сѣется рожь, ячмень, овесъ. Раньше не умѣли выводить льна, теперь за него мѣстами берутся въ большихъ размѣрахъ. Конечно, обработка полей ведется по-старинному, сохой-матушкой. До плуга доходятъ

только близъ Волги. Огородничествомъ тоже здѣсь занимаются, но только опять-таки не такъ, какъ гдѣ-нибудь подъ Москвой или подъ Ростовомъ-Ярославскимъ. Продавать здѣшнія овощи некуда. Зайцу да медвѣдю на грошъ не продашь. Поэтому и стараются садить столько картошки или луку, чтобы хватило только себѣ. Да и овощи здѣсь не всѣ, только самыя грубыя...

— Почему же?

— Потому что земля родить плохо. Земля бѣдна.

— Нужно бы удобрять... — вздумалъ я посовѣтовать.

Онуфрій улыбнулся надъ моимъ агрономическимъ совѣтомъ.

— Чѣмъ удобрять?

— Навозомъ!

— А гдѣ его взять?

— Отъ скотины...

— А чѣмъ скотину кормить?

— Сѣномъ, конечно... Овсомъ...

— А гдѣ же сѣна и овса возьмешь, когда земля не родить? Какъ же тутъ развиваться скотоводству, ежели вмѣсто пастбищъ—только болота и пустыри, на которыхъ одинъ мохъ-лишайникъ растетъ?

Дѣйствительно, получался заколдованный кругъ,

Странникъ.

выбиться изъ котораго лѣсной крестьянинъ можетъ только путемъ долгаго и суроваго труда.

Такъ какъ однимъ хлѣбопашествомъ въ лѣсной сторонѣ трудно прокормиться, крестьяне ищутъ побочныхъ заработковъ. Главный изъ нихъ—лѣсной промыселъ: крестьяне уходятъ въ лѣса и занимаются вырубкой и сплавомъ лѣса. Заготавливаютъ на продажу бревна, жерди, тесь, дрова, мочалу, рогожу,

Плетеніе лаптей.

кули; гнуть ободья къ колесамъ для телѣгъ; дѣлаютъ чашки, ложки; гонятъ деготь и смолу; обжигаютъ уголь...

Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ занимаются также пчеловодствомъ, охотой, собираніемъ грибовъ, ягодъ...

А если и этого нехватаетъ для прокормленія семьи, тогда взрослые, наиболѣе сильные мужчины,

уходить на заработки въ города, на фабрики и заводы, на пароходы. Среди унженскихъ крестьянъ сильно развитъ шерстобитный и валеный отхожій промыселъ. Ежегодно осенью отправляются въ Сибирь тысячи такихъ «шерстобитовъ», которые награждаютъ сибирскаго мужичка валеной теплой обувью, столь необходимой для суровой сибирской зимы...

Центральнымъ мѣстомъ унженскихъ лѣсовъ является городъ Макарьевъ, расположенный на рѣкѣ Унжѣ.

Въ глубокой древности на мѣстѣ города стояли только высокія сосны. Обитель преподобнаго Макарія—говоритъ преданіе—была первымъ человѣческимъ жилищемъ въ этой странѣ. Лѣтъ пятьсотъ тому назадъ преподобный Макарій пришелъ въ унженскіе лѣса изъ Желтоводскаго монастыря, что на Волгѣ, подъ Нижнимъ-Новгородомъ. Тамъ въ Желтоводскомъ монастырѣ онъ прославился многими чудесами. Къ нему стекались тысячи богомольцевъ на поклоненіе. Многіе приходили изъ очень далекихъ угловъ. Каждый изъ богомольцевъ, отправляясь въ дорогу, забиралъ съ собою какъ можно больше всякаго скарба и снѣди. Подходя къ тому мѣсту, гдѣ въ Волгу впадаетъ Ока, богомольцы обмѣнивали свои избытки на то, что каждому было необходимо. И вотъ благодаря этой куплѣ-продажѣ—по преданію—образовалась при устьѣ Оки знаменитая Нижегородская ярмарка. Это было великое сходбище людей, постоянная торговля и шумъ. А преподобный Макарій избѣгалъ шумной жизни и потому перешелъ на новое мѣсто—на темную Унжу, гдѣ и основалъ монастырь.

Первый русскій царь Михаилъ Ѳеодоровичъ дважды приходилъ на Унжу для поклоненія мощамъ угодника. Первый разъ—пѣшкомъ—изъ Ипатьевского монастыря въ Костромѣ, а во второй—въ 1619 году, уже находясь на царскомъ тронѣ.

Сюда-то и направлялся попутчикъ нашъ, странникъ Онуфрій.

Онуфрій—безродный сирота. Нѣтъ у него ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, ни дядей, ни тетокъ.

— Для меня—всѣ братья. Всѣ сидятъ за своими дѣлами въ своихъ избушкахъ. А я одинъ хожу по монастырямъ да молжусь за всѣхъ. Дай Богъ, чтобы всѣмъ людямъ получше жилось!

Монастырей много въ Заволжьѣ, и странникъ Онуфрій путешествуетъ круглый годъ отъ одного къ другому.

12. Лѣсная ярмарка.

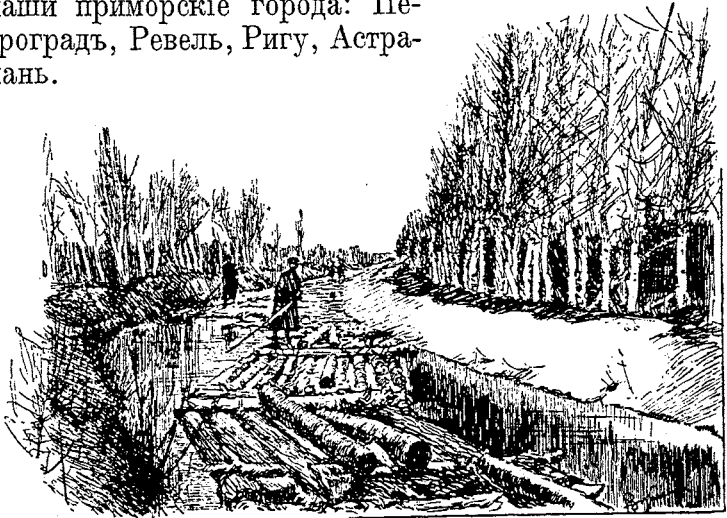
Рано весною, тотчасъ же послѣ вскрытія Унжи, въ городѣ Макарьевѣ бываетъ большая лѣсная ярмарка.

На ярмарку выползаютъ изъ лѣсныхъ медвѣжьихъ берлогъ всѣ, кто занимался зимою лѣсными промыслами въ унженскомъ краю. Сюда пріѣзжаютъ владѣльцы лѣсовъ, которымъ хочется продать свои «дѣлянки» (лѣсные участки). Сюда пріѣзжаютъ купцы, у которыхъ зимою шла вырубка лѣса, и которымъ хочется продать весь вырубленный лѣсъ.

Унжа у города въ это время густо забита плотами. И вверхъ и внизъ по рѣкѣ—всюду плоты и плоты,

съ трудомъ перебираются лодки отъ одного берега къ другому.

Послѣ ярмарки плоты спускаются по Унжѣ на Волгу, и лучшіе сорта лѣса отправляются за границу. Доставка за границу производится съ Волги по рѣчнымъ системамъ и по желѣзнымъ дорогамъ черезъ наши приморскіе города: Петроградъ, Ревель, Ригу, Астрахань.

На плотахъ.

Лучшій сортъ деревьевъ обыкновенно идетъ на постройку кораблей и называется «корабельнымъ» лѣсомъ и «мачтовникомъ». Деревья похуже идутъ на постройку домовъ; этотъ лѣсъ называется «строевымъ». Самый низшій сортъ лѣса идетъ на дрова.

Въ унылыхъ макарьевскихъ трактирахъ, за чаемъ съ баранками и огромными ломтями бѣлаго хлѣба, заключаются здѣшними купцами многотысячныя

сдѣлки. Купцы пріѣзжаютъ сюда на недѣлю, на двѣ и терпѣливо ждутъ покупателя.

А покупатель, набравши нужную «партію» лѣса, торопится, пока не убыла вода въ Унжѣ, нанять себѣ «плотовыхъ», которые занимаются сплавомъ лѣса. Крестьяне-сгонщики обязуются доставить известное число плотовъ къ опредѣленному городу на Волгѣ.

Работа крестьянъ, занимающихся сплавнымъ промысломъ, весьма тяжела и опасна. Приходится день и ночь стоять на сырыхъ плотяхъ, часто подъ дождемъ, подъ холоднымъ вѣтромъ, а бываетъ даже—и подъ снѣгомъ. Буйная извилистая Унжа гонитъ плоты со страшной силой и скоростью. Зѣвать здѣсь нельзя. Зазѣвался—либо плотъ выброситъ на берегъ, разобьетъ о камень, либо вода въ рѣкѣ убудетъ во время ночной стоянки, либо костеръ потухнетъ на плотѣ, и тогда отогрѣвайся отъ озноба, гдѣ знаешь...

Въ теплую ночь донимаютъ сгонщиковъ комары; въ холодную—зубныя боли и ревматизмы.

Понятно, что отъ крестьянъ, работающихъ на сплавѣ лѣса, помимо физической силы, требуется еще много ловкости и умѣнья. Вѣдь, у плота нѣтъ ни машинъ, ни весель! Есть только тяжелый «гребокъ» (руль) да шесты, которыми можно упираться въ берегъ.

13. У старовѣровъ.

Мы распрощались съ Макарьевомъ, и снова во кругъ дороги—лѣса и лѣса, керженскіе, ветлужскіе. Рѣка Керженецъ впадаетъ въ Волгу верстахъ въ

30-ти за Нижнимъ-Новгородомъ, Ветлуга—еще ниже, у Козьмодемьянска.

Близъ Керженца при вѣздѣ въ одну деревню мой ямщикъ предупредилъ меня, что у него есть хорошій знакомый въ этой деревнѣ—мужикъ Далмать.

— Мы съ нимъ однажды свадьбу пировали...— замѣтилъ Бодуновъ и вдругъ запнулся:—Хорошій мужикъ, но только...

— Что?

— Богомазоваты они!..

— Какъ такъ?

Бодуновъ внимательно посмотрѣлъ на мою папиросу и добавилъ:

— Не любятъ они... По старой вѣрѣ они...

— А!—улыбнулся я и пообѣщаль у нихъ въ избѣ не курить.

Деревня, куда мы пріѣхали, имѣла свой особый лѣсной отпечатокъ. Всѣ избы—очень высокія, съ подызбниками (съ подвалами); всѣ избы изъ толстыхъ, красныхъ, смолистыхъ бревенъ. Крыши—съ рѣзьбой. Карнизы—съ «клопцами», какъ на полотенцахъ, вышитыхъ въ русскомъ стилѣ. На ставняхъ—узоры. Долго глядишь на иной узоръ и не понимаешь, зачѣмъ положено въ него столько труда невѣдомымъ художникомъ-плотникомъ. Но вотъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, посрединѣ аляповатыхъ орнаментовъ—видишь—обрисовалась рыба, змѣя или какой-нибудь библейскій драконъ... Этакую старину—невольно подумаешь—хранять эти деревенскіе плотники!

Насъ приняли въ избѣ Далмата и угостили съ большимъ радушіемъ. Дальніе гости здѣсь—рѣдкость. Напоили чаемъ. При этомъ Бодуновъ, взявши ма-

ленькій кусочекъ сахара, величиной съ горошину, умудрился опростать никакъ не меньше пятнадцати стакановъ.

Послѣ чаю насъ засадили за обѣдъ. День былъ скоромный. Но мяса въ домѣ Далмата не ѣли, по-монастырскому. На первое подали намъ соленыхъ грибовъ: рыжиковъ, груздей, волнушекъ... Вышло какъ

„Ложечники“ за работой.

будто недурно. На второе «для сугрѣва» притащили огромный горшокъ пареной дымящейся брюквы. А послѣ всего подали миску моченой брусники. Молодуха тутъ же на столѣ обсыпала ягоды сахарными крошками и долго размѣшивала...

По выходѣ изъ-за стола всѣ обѣдавшіе долго и церемонно молились, обратившись къ переднему углу избы; въ углу отъ потолка и почти до пола видѣлись черныя старинныя иконы.

По роману Мельникова-Печерскаго «Въ лѣсахъ» я уже хорошо зналъ, что въ этихъ мѣстахъ нѣкогда скрывались раскольники. Отпавши при патриархѣ Никонѣ отъ православной церкви, раскольники и старообрядцы забирались въ глухіе углы Заволжья, строили здѣсь скиты и молельни и выполняли здѣсь—вдали отъ начальства—свои обряды по собственному желанію.

Если здѣсь и теперь-то такая темная глушь, то что же было тогда—двѣсти-триста лѣтъ тому назадъ!

Вотъ мы доѣхали до Бѣлмошскаго женскаго монастыря (рѣчка Бѣлмошь—притокъ Керженца). Нѣкогда здѣсь тоже былъ старообрядческій скитъ; но по указу Петра I онъ былъ уничтоженъ. И на мѣстѣ скита былъ основанъ монастырь.

А сколько было въ этихъ лѣсахъ такихъ скитовъ и пещеръ, отъ которыхъ теперь не осталось никакихъ воспоминаній! Первымъ жителямъ заволжскихъ лѣсовъ приходилось вести непрерывную войну и съ дикими звѣрями, и съ лютыми морозами, и съ непроходимыми болотами...

14. Въ лѣсномъ монастырѣ.

Тиха и печальна жизнь въ заволжскихъ монастыряхъ.

Вотъ мы подъѣхали къ одному изъ нихъ.

Монастырь расположенъ въ лѣсу, на высокой грядѣ. Лѣтъ полтора ста тому назадъ на мѣстѣ монастыря былъ раскольничій скитъ, потомъ уничтоженный. Постройка монастыря, говорятъ, какому-то волжскому милліонеру обошлась въ 300.000 рублей.

Огромный византійскаго стіля соборъ, колокольня, звучный колоколь—могли бы сдѣлать честь любому губернскому городу. Но теперь здѣсь бѣдно. Братіи мало: человекъ 15—20. Зданія тронуты временемъ. Стѣны ветшаютъ. Тяжелая ограда полна трещинами и сдвигами. Все требуетъ ремонта, а ремонта нѣтъ: миллионеръ-жертвователъ давно въ могилѣ.

У монастырскихъ воротецъ насъ встрѣтили двое: мужикъ-конюхъ и монашекъ-келейникъ. Конюхъ—рыжий, сильный, угловатый дѣтина. Келейникъ, какъ контрастъ ему, блѣдный, тихій; лицо сухое и бѣлое, точно берестяное.

— Веди! веди ихъ!—грубо отрѣзалъ конюхъ.— Веди въ гостиницу!..

Келейникъ смущенно шевельнулъ четками.

— Въ гостиницу... Гостиница у насъ еще не подкрашена... Въ гостиницу...—бормоталъ онъ, провозжая.

— Должно, не въ полномъ разумѣ,—прошепталъ Бодуновъ.

Намъ отвели здѣсь «номеръ», мало похожій на обычные номера гостиницъ. Это была небольшая свѣтлая, теплая горенка въ деревянномъ домѣ, выстроенномъ за монастырской оградой. Всѣхъ комнатокъ-номеровъ въ этой гостиницѣ было 3-4. Въ одной изъ нихъ жилъ келейникъ. Всѣ остальные были пусты.

Въ переднемъ углу нашей комнатки находилась большая раззолоченая икона, украшенная цвѣтами. Монашекъ тихонько подошелъ къ ней и зажегъ лампаду. Потомъ онъ принесъ самоваръ, и мы отогрѣлись. Въ это время на колокольнѣ уда-

рили въ колоколь—день былъ предпраздничный, благоувѣстили ко всенощной. Мы пошли въ церковь.

Было темно и жутко въ соборѣ. Кой-гдѣ горѣли коротенькіе восковые отопочки. На черныхъ ликахъ «стариннаго письма» лежалъ мракъ. Печально становилось на душѣ, когда прислушивался къ заунывному монастырскому напѣву. Откуда-то доносился

У монастырскихъ стѣнъ въ праздникъ.

запахъ ветхой старинной бумаги, книгъ, пропитанныхъ воскомъ и ладаномъ.

Невольно вставали въ памяти первоначальные, непримиримые обитатели здѣшнихъ мѣстъ. Вспоминался суровый протопопъ Аввакумъ, его послѣдователи, борьба съ патріархомъ Никономъ...

Вотъ всенощная окончилась, и мы пошли къ себѣ. Монастырская служба продолжается долго. Уже

была глубокая ночь. Когда мы выходили съ паперти, надъ монастыремъ витала мертвая, могильная тишина. Только изрѣдка поскрипываль мерзлый снѣгъ подъ ногами.

Мы уже собирались ложиться спать, когда за дверью слышались громкіе шаги; дверь отворилась, и на порогѣ появилась грубоватая, неуклюжая фигура монастырскаго конюха. Онъ нерѣшительно переступилъ съ ноги на ногу и замѣтилъ:

— Ночью... не напугайтесь...

— Чего же?—спросилъ я.

— Монашекъ-келейникъ будетъ ночевать за вашей комнатой...

— Чего же бояться его?

— А, значить, «является» онъ по ночамъ.

— Что?!

— Да вы не пужайтесь. Встанеть онъ, пойдетъ шарить по комнатамъ, косяки высмотреть, всѣ комнаты обойти. Опять же... кричить... нехорошо этакъ... Вы лучше всего запритесь на ключъ!..

— Онъ, значить, не въ полномъ разсудкѣ!—проговорилъ Бодуновъ удивленно.—Такъ почему же онъ такимъ сталъ?

Конюхъ на нѣсколько минутъ задержался передъ нами и рассказалъ намъ въ краткихъ чертахъ біографію этого молоденькаго, несчастнаго монаха.

Онъ поселился въ обители съ дѣтства. Пѣлъ на клиросѣ. Послушанія правилъ. Ходилъ съ иконой въ народъ. Умный былъ, острый, понятливый.

— Ему бы—подумать да поучиться, а въ обители, извѣстно, жизнь суровая. Одиночество. Зайдетъ въ келарню, постоитъ въ роцѣ, сойдетъ ко святому

Вся комната за стѣною была наполнена какими-то болѣзненными рыданіями, кашлемъ, визгомъ. И даже трудно было понять, кто это плачетъ: мужчина, женщина, птица, ребенокъ...

Уснуть намъ больше не удалось.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, Бодуновъ запретъ своего Сивка, и мы покинули мрачную лѣсную обитель.

15. В ъ б у р ю .

Однажды намъ оставалось до ночлега всего какихъ-нибудь 6—7 верстъ. Часъ ѣзды. Но этотъ часъ показался мнѣ такимъ длиннымъ и страшнымъ, что я не позабуду его никогда.

Еще съ полудня начала разыгрываться метель. Дорога испортилась. Сверху посыпался, перевинаясь въ воздухѣ, колючій, непріятный снѣгъ. Съ дороги мѣстами сдувало, а въ другихъ мѣстахъ накладывало аршинные сугробы снѣга. Дойдя до такого высокаго сугроба, дорога терялась подъ нимъ, и отъ этого мѣста, выбирай,—можно было гнать лошадь съ одинаковымъ успѣхомъ на всѣ четыре стороны. Того и гляди, заблудишься. Дорогу въ метель легко потерять, даже и при дневномъ свѣтѣ.

Тамъ, гдѣ лѣсъ временно прерывался, на лѣсныхъ полянахъ, было свѣтлѣй. Но зато здѣсь сильнѣе бушевалъ вѣтеръ, набрасываясь на нашу кибитку; и злѣе пробиралъ морозъ, забиваясь подъ тулупы. Хотѣлось поскорѣе опять въ лѣсную чащу.

Въ лѣсу вѣтеръ тише, и только—наверху трещать,

скрипятъ, стонуть вершины деревьевъ. Дикій свистъ и ревъ разносится по всему лѣсу. Но внизу на корняхъ—мертвое спокойствіе. Толстые, коричневые стволы стоятъ недвижимо, какъ колонны какого-нибудь огромнаго дворца, и нигдѣ не сдаютъ въ своей устойчивости.

— Не сбьется бы? Слышишь ли?—съ тревогой спрашивалъ я.

А Бодуновъ ужь молчалъ и только зорко слѣдилъ за лошадыю. Сбьется съ дороги было весьма легко. Подъ санями уже, какъ пухъ, скользиль нетронутый, ненаѣзженный, неупотаный снѣгъ. Полозья бѣжали по новому снѣгу, какъ по перинѣ.

Вдругъ передъ нами, саженьяхъ въ двухъ-трехъ, раздался страшный трескъ, гулъ, шорохъ, и нашу дорогу перегородило что-то темное. Сивко сдѣлалъ попытку рвануться въ сторону, но сильный Бодуновъ натянулъ вожжи и задержалъ на мѣстѣ испуганную лошадь.

— Медвѣдь...—пробормоталъ я въ страхѣ.

— Дерево упало!—сказалъ Бодуновъ, разглядѣвши.—Это будетъ, пожалуй, похуже медвѣдя...

— Чѣмъ же?

Но Бодуновъ, вмѣсто отвѣта, полѣзъ изъ саней въ сугробъ и уже на ходу добавилъ:

— Поперекъ дороги... Проѣдемъ ли?..

Хотя и съ трудомъ, но все-таки объѣхали упавшее дерево. Пришлось вылѣзть обоимъ изъ саней, и брести по поясъ въ снѣгу.

Отъѣхали нѣсколько сажень—на дорогѣ валяется второе упавшее дерево, а подальше его—третье...

— Сухопостой!.. — проговорилъ Бодуновъ.—Это

все падаютъ деревья сухопстойныя... Съ червоточиной...

Я приглядѣлся. По сторонамъ отъ дороги виднѣлось не два, не три положенныхъ вѣтромъ дерева, а цѣлые десятки. Мѣстами, падая, деревья не долетали до земли, только наклонялись, и тогда мы, подхлестнувши лошадей, должны были, какъ можно скорѣй, проскакивать подъ этотъ необычайный дорожный шлагбаумъ.

Вотъ, наконецъ, мы выбрались на поляну; влѣво отъ саней мелькнули горизонтально положенныя жердочки полевой изгороди — вѣрный признакъ, что на этой полянѣ, поблизости, есть какая-то деревня.

Приѣхавши въ деревню, я досталъ изъ чемодана свою дорожную книжку-справочникъ и внимательно перечиталъ въ ней всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорилось о сухопстойномъ лѣсѣ и о болѣзняхъ лѣса. Оказывается, деревья, также, какъ и люди, подвержены бываютъ опаснымъ эпидемическимъ заболѣваніямъ. Одно изъ вреднѣйшихъ для хвойнаго лѣса насѣкомыхъ—«сосновая пяденица»—кладетъ яички въ мохъ надъ корнями деревьевъ. Пяденица чрезвычайно быстро размножается и можетъ въ одно лѣто захватить тысячи десятинъ лѣса, какъ и случалось это въ лѣсахъ нижегородскаго Заволжья. Личинка пяденицы объѣдаетъ на деревѣ всѣ иголки, отчего молодая здоровая сосенка засыхаетъ и падаетъ при первой же сильной бурѣ. Такой «сухопстойный» лѣсъ уже не годится для постройки домовъ и употребляется, главнымъ образомъ, на дрова.

16. Самый страшный враг лѣса.

Человѣкъ, попавши въ лѣса робкимъ и одинокимъ отшельникомъ, постепенно сдѣлался полнымъ властелиномъ лѣсовъ. По волѣ человѣка вырубаются огромныя лѣсныя дачи. Густые, дорогіе лѣса уже отходятъ все дальше и дальше отъ рѣкъ, желѣзныхъ дорогъ и человѣческаго жилья.

Лѣсъ идетъ на постройку домовъ. Лѣсъ распиливаютъ на всевозможныя лады. Лѣснымъ топливомъ питаются миллионы печей. Лѣсныя деревья перегоняются на химическихъ заводахъ въ порошокъ и кислоты...

Но все же: самый страшный врагъ лѣсовъ—не человѣкъ, а лѣсные пожары.

Промышленникъ, вырубая деревья въ своей лѣсной дачѣ, все-таки оставляетъ опредѣленное количество деревьевъ въ неприкосновенномъ видѣ для того, чтобы отъ сѣмянъ этихъ уцѣлѣвшихъ «отцовъ» могли появиться изъ земли новые, молодые «сыновья». Огонь же, забираясь въ лѣсъ, не щадитъ ни одной вѣтки, ни одного корня. Пожары страшно разоряютъ наше лѣсное богатство. Отчего происходятъ лѣсные пожары? На этотъ вопросъ всегда приходится отвѣчать по-разному. Бываетъ,—отъ спички, неосторожно брошенной въ сухую хвою неопытнымъ курильщикомъ табаку; отъ «теплинки», которую оставлять незагушенной пастухи, странники, охотники или городскіе экскурсанты; отъ молніи, отъ искры быстро промчавшагося поѣзда...

Лѣсной пожаръ охватываетъ иногда громадныя площади—сотни квадратныхъ верстъ. Для людей,

живущихъ около лѣса, такой пожаръ—крупное, тяжелое бѣдствіе.

Особенно памятенъ для жителей Заволжья пожаръ, бывший въ 1839 году. По описаніямъ старожиловъ, этотъ пожаръ начался въ лѣсу макарьевскаго уѣзда 29 іюля, а на другой день пожаръ усилился до такой степени, что уже горѣло нѣсколько селеній и городъ Кадый. При сильномъ юго-восточномъ

Выдѣлка деревянныхъ лопать.

вѣтрѣ пламя распространилось на необъятное пространство. Дымъ такъ былъ густъ, что въ сосѣднихъ—галичскомъ и солигаличскомъ—уѣздахъ потемнѣло солнце, и измѣнилась окраска предметовъ; трава отливала зеленовато-голубымъ цвѣтомъ, красные цвѣта превратились въ желтые. Пепель, перегорѣвшіе листья, мохъ, игольникъ—переносило изъ макарьевскаго уѣзда верстъ на 100. Этотъ пожаръ

навель паническій страхъ на все деревенское населеніе края. Въ Галичѣ во время этого пожара выпалъ дождикъ: капли дождя, пролетая воздухъ, наполненный пепломъ, приняли красноватый цвѣтъ, и въ народѣ быстро распространились слухи: «Кровавый дождь идетъ... Не быть добру!» Всѣ уже думали, что настала конецъ свѣта. Народъ столпился на улицахъ, боялись входить въ дома...

Лѣсной пожаръ.

Лѣсной пожаръ 1841 года уничтожилъ въ ветлужскомъ уѣздѣ 50 тысячъ десятинъ лѣса.

Убытки отъ такихъ лѣсныхъ пожаровъ, конечно, миллионныя, а бороться съ ними почти немислимо. Для борьбы съ распространеніемъ огня сбѣгаются

тысячи окрестныхъ крестьянъ; бросаютъ лѣтную полевою работу, вооружаются заступами и начинаютъ окапывать горящіе участки канавами. На помощь крестьянамъ часто присылаютъ солдатъ-саперъ. Но наиболѣе успѣшный помощникъ въ такихъ случаяхъ обильный продолжительный дождикъ...

Въ зимнее время лютый врагъ заволжскихъ лѣсовъ не опасенъ ни одной елочкѣ. Зимой не бываетъ лѣсныхъ пожаровъ.

Ѣдешь въ ночную пору среди сугробовъ—захочется посмотрѣть на часахъ, который часъ, зажжешь спичку, отбросишь ее въ сторону отъ себя... не бойся не загорится! О пожарѣ совсѣмъ не думаешь.

И только изрѣдка,—наѣзжая на «гарь», на снѣжную бѣлую полянку, усѣянную черными обуглившимися столбиками,—вспоминаешь о лѣтнемъ пожарѣ.

— Ахъ, вотъ и здѣсь горѣло!..—печально вздыхаетъ ямщикъ и пристально смотритъ на каждый почернѣвшій пень.—Навѣрное, дѣти... захотѣлось имъ пошутить съ огнемъ... Прибѣжали за ягодами... Давай съ огнемъ играть!.. А затѣмъ это нужно? Зачѣмъ истреблять лѣса? Развѣ лѣса вредятъ человѣку? Лѣса приносятъ народу огромную пользу! Сколько народушка живетъ въ лѣсу и кормится отъ него!

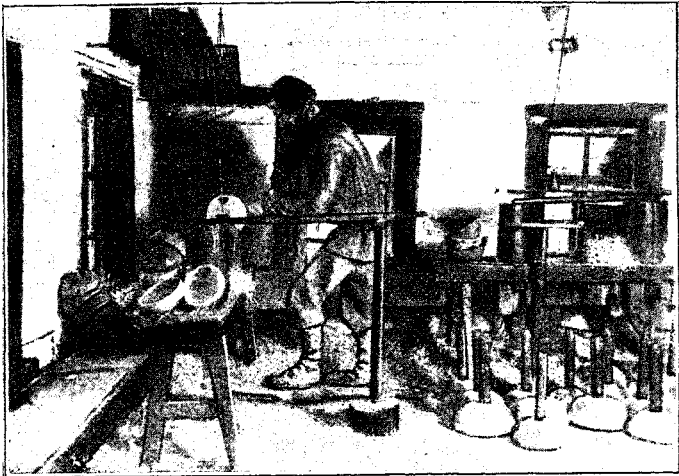
Ямщикъ укоризненно качаетъ головой:

— И зачѣмъ это люди не научились беречь свое родное лѣсное богатство?

ключику, умоется, сядетъ на паперти, глядитъ, глядитъ... Вотъ разумъ-то въ немъ и затихъ... Молиться бы нужно Царицѣ Небесной о просвѣтлѣннхъ мысляхъ,—а онъ, видно ужъ, не сумѣлъ. Ослабъ. Отчаялся въ разумѣ. Такъ-то и мается теперь...

Разказчикъ низко, по-монашески, поклонился и вышелъ:

— Запритесь же, люди добрые...

Крестьянинъ-кустарь, занимающійся производствомъ деревянной посуды.

— Хорошо! хорошо!—успокоили мы его.—Мы не боимся, если онъ не буйный.

Мы легли, и оба крѣпко заснули.

Часу во второмъ ночи насъ, дѣйствительно, разбудилъ продолжительный, рѣзкій, плачущій крикъ. Мы съ Бодуновымъ вскочили, не зная, что дѣлать.